

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич / Dmitry MARTYNOV

| Русское поле утопий: обзор начала XXI века |

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич / Dmitry MARTYNOV

Россия, Казань.
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Институт востоковедения и международных отношений.
Кандидат исторических наук, доцент.

Russia, Kazan.
Kazan (Volga Region) Federal University.
Institute of the Oriental Studies, Ph.D., Assistant Prof.

РУССКОЕ ПОЛЕ УТОПИЙ: ОБЗОР НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье рассматривается набор утопических текстов, созданных писателями-беллетристами, а также исследования философов и литературоведов, созданных в России в период с 2000 по 2011 годы. Показано, что философское сообщество расколото в отношении утопии: в то время как либерально настроенные учёные пытаются доказывать безусловную вредность утопии и утопизма для общественного сознания, предпринимаются попытки совершить «оправдание утопии». Беллетристы преимущественно эксплуатируют модель коммунистического общества, созданную в 1950-е годы И. Ефремовым и братьями Стругацкими. В то же время утопические тексты активно используются для пропаганды недавно созданного движения трансгуманистического толка — кариянства.

Ключевые слова: утопия, утопизм, трансгуманизм, кариянство, коммунизм, либерализм, прогрессорство, И. Ефремов, экспансия, прогресс, анархизм, фашизм

The Russian Field of the Utopias in the 21st Century

In this article, several utopian texts created by novelists, as well as the studies of philosophers and literary critics in Russia from the years 2000 until 2011 are discussed. The article shows how the philosophical community is divided against Utopias: while liberal-minded scientists try to prove that absolute utopia and utopianism harm the social consciousness, other attempts are made to “justify utopias.” The novelists mainly exploited models of communist society, established in 1950s by Ivan Yefremov and the Strugatsky brothers. At the same time, utopian texts are widely used to promote the newly established transhumanist Carian movement.

Key words: utopia, utopianism, transhumanism, carianism, communism, liberalism, Progressors, I. Yefremov, expansion, progress, anarchism, fascism

Начиная работу над этой статьей, первоначально мы рассчитывали написать обзор текстов и идей. Задача упрощалась введением двух формальных барьеров: ограничив себя хронологически, периодом от 2001 до 2010 гг. (разумеется, выходя за их пределы, если это настоятельно необходимо), предполагалось сделать «срез» как академической, так и художественной литературы, не особенно беспокоясь о критериях отбора. Поступить именно так позволяли, во-первых, вполне обозримый одним человеком массив утопических текстов, а во-вторых признание того факта, что *der Geist der Zeit* не является риторической фигурой. Напротив, это понятие отражает известные тенденции общественного сознания, когда те или иные идеи по разным причинам «носятся в воздухе».

Пространственное ограничение — «русское поле утопий»¹, также было более или менее очевидным: мы рассматриваем только тексты, написанные и опубликованные на русском языке

¹ Понятие вводится в труде Геллер Л., Нике М. Утопия в России / Пер. с фр. И. В. Булатовского. СПб.: Гиперион, 2003, так же озаглавлены очерки Харитонов Е. В. «Русское поле» утопий (Россия в зеркале утопий XX века). URL <http://www.litsovet.ru/index.php/material>.

ке и (в случае с научным изучением проблемы) в российской академической среде. Довольно быстро оказалось, что простого обзора не получается: в первое десятилетие XXI в. продолжали работать тенденции, наработанные веком минувшим.

Таким образом оказалось, что обойтись без методологической секции и теоретической части решительно невозможно. Тем более это необходимо при попытке обратиться к столь сложному предмету с позиций исторического метода. Термин «утопия» двусмыслен не менее, нежели «история». Как «история» есть нечто, совершившееся в прошлом (и не суть важно, было ли это единичное бытовое событие или катастрофа всемирного масштаба), и — одновременно — рассказ об этом событии, так и «утопия» — картина желаемого устройства совершенного общества. Совершенного — в плане идеала и представления об идеале той личности, которая создала этот идеал в своём воображении. Тем самым утопия неотделима от художественной фантазии, но также и веры в истинность и осуще-

read?material_id=35767 (Впервые опубликовано в журнале «Если», 2001, №№ 6, 7, 8).

ствимость данного идеала; а всякое верование, основанное на идеале, может быть истолковано как религиозное. Всё перечисленное, как и в случае с «историей», неотделимо от текста, который фиксирует идеальное общественное устройство, и позволяет донести сущность идеала непросвещённым неопитам. В этом плане утопия не может не быть связана с эстетикой². Б.Ф. Егоров очень точно заметил, что принцип «жизни, какую она должна быть» сближает утопию с романтическим методом в искусстве и литературе³.

Данные общие суждения иллюстрируют сложность конфигурации философско-мировоззренческих установок, с которыми исследователь подступает к предмету. Ограничение этих установок облегчает задачу, но лишает методологической свободы. Историография утопии показывает это очень хорошо: не существует даже сколько-нибудь общепринятого определения этого понятия, хотя никто не отступает от смысла греческого неологизма, введённого Томасом Мором. Философы и социологи, обращаясь к проблемам утопии, ввели множество теорий, некоторые из которых достаточно спорны. Так, например, немецкий философ Л. Штайн (в трактате «Социальный вопрос с философской точки зрения», 1899) напрямую связывал возникновение утопий с кризисными периодами в развитии общества; утопия, с его точки зрения, предвещала перевороты в социально-политической, экономической и религиозной областях. Оппоненты данной точки зрения доказывают, что, напротив, утопии создаются в консервативные периоды жизни общества, в обстановке социально-политической стагнации⁴.

Представленные в словарно-энциклопедических изданиях определения понятия «утопия», как правило, учитывают крупномасштабные структуры, в первую очередь — страны и общественно-политические институты. Между тем, Л. Мэмфорд ещё в 1922 г. писал, что картинка с изображением кинозвезды, повешенная над станком заводского рабочего, в сущности, уже является утопией, символом бегства в иной мир, где не будет грязи и шума, но будет прекрасная женщина⁵. В результате часть исследователей предлагают самое общее определение — утопия есть мечта об идеальной жизни в любых масштабах и объёмах. Определение настолько общее, что препятствует любым шагам в познании утопии, ибо при такой постановке вопроса вообще всё человеческое творчество будет признано утопическим.

Выходом из противоречия нам представляется привлечение исторического метода. Начиная с конца XIX в. в исторической науке исподволь подготавливался, а в 1950-е годы стал свершившимся фактом персоналистский переворот, в соответствии с которым историческое бытие есть прежде всего бытие

человеческой личности. Соответственно, на место *историзма*, требующего рассмотрения объекта в конкретных исторических условиях и связях при сохранении им неизменной сущности, встаёт *историчность* — эволюционирует, прежде всего, сознание познающего субъекта, стремящееся к большей степени индивидуальной свободы. Это предполагает множественность версий истории, поскольку основой для её изучения является плюрализм систем ценностей. Тем и удобна утопия, что являясь, в том числе, идеологической системой, она создаётся в определённый период развития общества и имеет автора с его индивидуальностью, при этом она будет представлять неидентичные системы ценностей на одном и том же этапе исторического развития.

Философская рефлексия. Начать будет уместно с общего определения, данного в «Новой философской энциклопедии», впервые выпущенной в свет в 2003 г. Словник НФЭ содержит две статьи по интересующей нас тематике: «Утопическое сознание»⁶ и «Утопия и антиутопия»⁷. Е. Л. Черткова исходит из различия понятий «утопия» и «утопизм», которые, однако, имеют общие корни: 1) незавершенность истории; 2) неприемлемость существующего мира; 3) стремление к социальной гармонии⁸. Различие коренится в присущем утопии «мифическом» преображении мира, а также в том, что родовым признаком утопии является ориентация на совершенное общество⁹. В социальном утопизме существует стремление к реальному преобразованию мира в соответствии с предлагаемой моделью¹⁰. Таким образом, характеристиками социального утопизма являются следующие: 1) проективность; 2) нормативность; 3) априоризм; 4) антиисторизм; 5) максимализм; 6) перфектибизм¹¹.

Социальный утопизм пронизан установкой на произвольное творение мира в соответствии с замыслом, на место каузальных зависимостей ставится идеальное должествование, а причинность заменяется рациональностью. Утопическое сознание негативно относится к историческому процессу, поскольку будущее мыслится ценностной альтернативой и анти-тезой настоящему¹². Автор полагает, что социальный утопизм является небезопасным для человека видом сознания, тесно связанным с тоталитаризмом. «Социальный утопизм — это тирания идеи (сначала только идеи), преграждающая путь к свободному духовному поиску. Свобода бесконечного развития ограничивается мнимой гармонией законченного совершенства»¹³.

Более традиционное определение содержится в статье Э. А. Араб-Оглы. Утопия есть «изображение идеального общественного строя либо в якобы уже существовавшей или существующей где-то стране, либо как проекта социальных

² К сожалению, формат статьи не позволяет остановиться на этом подробно, но вопросы эстетики в историописании были поставлены ещё в античности: так Плутарх и Диодор Сицилийский, обосновывая важность своего труда, особо подчёркивали удовольствие, которое доставляет читателю историк. Эти же представления перековывали в Средневековье, а в XX в. были заново сформулированы известным философом-персоналистом и теоретиком исторической науки П. Рикёром (см. [12a]).

³ Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство, 2007. С. 6.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Mumford L. The Story of Utopias. N.Y.: Boni and Liveright, 1922. P. 18.

⁶ Черткова Е. Л. Утопизм социальный // Новая философская энциклопедия в 4 т. Изд. 2-е, доп. / Руководители проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 151–152.

⁷ Араб-Оглы Э. А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия в 4 т. Изд. 2-е, доп. / Руководители проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 152–154.

⁸ Черткова Е. Л. Указ соч. С. 152.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 152.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь»¹⁴. Таким образом, утопия отождествляется с идеалом общественного строя вообще, поэтому она выполняет идеологические, воспитательные и познавательные функции. Указывается, что «по мере развития научных званий об обществе утопия в значительной мере утрачивает свою познавательную и прогностическую роль»¹⁵. Однако утопия сохранилась как специфический жанр литературы, возрождённый в начале XX в. Г. Уэллсом¹⁶.

Представленные в статьях НФЭ две различные точки зрения весьма хорошо характеризуют настрой отечественного интеллектуального сообщества к утопии. Расщеплённость семантического поля продолжает существовать, при этом не делается попыток синтеза, который бы позволил ввести некие новые основания для исследования, в лучшем случае предлагается некая инверсия, в целях повышения статуса всего кластера понятий, связанных с «утопическим», в условиях превалирования негативных коннотаций. Данная ситуация рассмотрена в специальной работе В. Д. Бакулова, к которой мы и отсылаем читателя¹⁷. Явный негативизм исследователя по отношению к утопии можно наблюдать в статье¹⁸. Примеры подобного рода можно только умножать.

На этом фоне выделяется монография уфимской исследовательницы И. В. Фроловой¹⁹, ставшей основой диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук, защищённой в 2005 г. В предисловии И. В. Фролова подчёркивает, что социальная утопия есть «путь поиска социальной Истины, Справедливости и Блага, и именно поэтому утопия имеет ценностное, морально-этическое выражение»²⁰. Таким образом, понятие «утопии» рассматривается как позитивное²¹. Большую часть 250-страничной монографии занимает обзорное разнообразие утопических моделей, выделяемых социально-эволюционно-конструктивистскому методу. Утопия рассматривается И. В. Фроловой как феномен, существующий в обществе и изменяющийся вместе с ним. Иными словами, «социальная утопия, конструируя модель совершенного общества, противоположного действительности, осуществляет это с мировоззренческих позиций, преобладающих в данном конкретном обществе в определённое историческое время»²². Исследовательница очень оптимистично смотрит на перспективы исследования феномена социальной утопии и даже вводит понятие «утопиологии» как цельной отрасли знания²³. Утопия ценна тем, что намечает возможность изучения социальной действительности, и допускает «игру» с реальностью — проверку и отбор наиболее функциональных моделей

общественного развития²⁴. Это и позволяет И. В. Фроловой «оправдывать утопию».

Перечисленными работами ряд не исчерпывается, но основные тенденции продемонстрированы, а объём статьи не позволяет на этой проблематике задерживаться.

Литературоведческие описания. Следует обратить внимание, что адепты философских дисциплин в основном разрабатывают теоретические модели, опираясь на результаты философской же рефлексии феномена утопии. Тем самым разрабатываемые ими модели построены на минимальной эмпирической базе. Напротив, литературоведы приводят в своих трудах колоссальное количество текстов, зачастую с превосходными синопсисами, но эти наборы имеют чрезвычайно слабое теоретическое обоснование. В качестве примера сошлёмся на русское издание монографии Л. Геллера и М. Нике *“Histoire de l’utopie en Russie”*²⁵. Авторы — профессиональные филологи-слависты, пошли по пути максимального расширения предмета исследования, поскольку взяли за основу не формальную типологию дискурса и даже не реконструкцию культурного кода, лежащего в основе утопии²⁶. В основу своего труда Л. Геллер и М. Нике положили понятие «поля утопий», которое ограничивается двумя критериями: 1) разрыв с настоящим, и 2) коллективный характер идеала или утопической цели²⁷. Иными словами, для авторов «утопия» являлась только вершиной айсберга «утопизма», — особого образа мыслей, определяемого как «принцип надежды» (по Э. Блоху). Неудивительно, что книга, вышедшая на французском языке в 1995 г., получила конспективную и, почти в соответствии с предметом, которому посвящена, — чрезвычайно тенденциозную. Крайне спорным можно признать утверждение, приведённое в заключении, что «Россия выходит из советской утопии и, попытавшись сперва перепрыгнуть из одной системы в другую, постепенно приучается к реальности». К чести для М. Нике, издавая книгу на русском языке спустя 8 лет после написания, он не стал элиминировать выводов или что-либо перерабатывать.

Именно конспективность изложения в монографии Л. Геллера и М. Нике побудила Б. Ф. Егорова издать собственный путеводитель по российским утопиям²⁸. Его содержание с успехом опровергает утверждение французских литературоведов о том, что «в русской литературе утопизм почти не проявляется в законченных романических формах». Изложение доведено только до 1917 г., что в первую очередь диктовалось личными интересами автора. Огромным достоинством труда Б. Ф. Егорова является методологическая секция во введении, где объясняются принципы отбора материала на основе авторского определения утопии, а также приведена подробная классификация утопий²⁹.

Пробел в освещении феномена советской утопии, которая в 1930-е гг. прочно переплелась с фантастической литературой,

¹⁴ Араб-Оглы Э. А. Указ. соч. С. 152–153.

¹⁵ Там же. С. 153.

¹⁶ Там же. С. 153–154.

¹⁷ Бакулов В. Д. Утопизм как превращённая форма выражения положительной утопии // Философские науки. 2003. №3. С. 100–111.

¹⁸ Мильдон В. И. История и утопия как виды сознания // Вопросы философии. 2006. №1. С. 15–24.

¹⁹ Фролова И. В. Оправдание утопии: опыт социально-философской реконструкции: Монография. Уфа: Изд-во Уфимского ун-та, 2004.

²⁰ Там же. С. 3.

²¹ Там же. С. 11.

²² Там же. С. 254.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же. С. 255.

²⁵ Геллер Л., Нике М. Указ. соч.

²⁶ Там же. С. 6–7.

²⁷ Там же.

²⁸ Егоров Б. Ф. Указ. соч.

²⁹ Там же. С. 5–13.

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич / Dmitry MARTYNOV

| Русское поле утопий: обзор начала XXI века |

отчасти был восполнен книгой известного фантастоведа-критика В. А. Ревича (1929–1997), изданной посмертно³⁰. По форме это, скорее, огромных размеров эссе (наподобие литературоведческих и философских работ С. Лема), со свойственным жанру субъективизмом и эмоциональностью. Книга отражает разочарование автора во всех привитых с молодости жизненных идеалах, неудивительно крайне негативное отношение В. Ревича к утопическому жанру вообще и наиболее ярким его представителям, в частности. Создаётся впечатление, что это своеобразная «мечь» со стороны «шестидесятника» (как характеризует себя автор во вступлении) объектам былого поклонения и источникам надежд. Это особенно заметно в главах о творчестве И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Характерно, что В. Ревич подробно разбирает параллели между романом И. Ефремова «Туманность Андромеды» (которую называет последней «коммунистической утопией») и трактатом Г. Уэллса «Современная Утопия»³¹. Парадоксально, что хотя утопический идеал Мира Полудня, созданный А. и Б. Стругацкими, является, вероятно, наиболее влиятельным в русскоязычной литературе, В. Ревич утверждал, что «большой утопии» у них не получилось.

В 2001 г. в журнале фантастики «Если» был опубликован цикл очерков³² в котором очерчивались границы «русского поля» утопий, созданных в период XVI — конца XX вв. Очерки Е. Харитоновы могут служить первичным путеводителем по литературным текстам в жанре утопии и так называемой «альтернативной истории», созданными в период после 1991 г., но, к сожалению, очерковый формат и специфика жанра ограничили автора лишь краткой характеристикой содержательных достоинств и недостатков упоминаемых произведений. Впрочем, большую часть разбираемых Е. Харитоновым текстов сложно отнести к собственно утопическим, например «Евразийскую симфонию» петербургских сиологов И. Алимova и В. Рыбакова (общий псевдоним «Хольм ван Зайчик»³³).

Утопия, научная фантастика и альтернативная история. Одним из показателей статуса утопического жанра в современной России станет то, что большая часть анализируемых нами текстов была опубликована в сетевых изданиях³⁴. Авторами их являются непрофессиональные литераторы. Таким образом,

³⁰ Ревич В. Перекрёсток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. URL <http://lib.ru/RUFANT/REWICH/perekrestok.txt>

³¹ В. Ревичу был доступен крайне искажённый пересказ трактата Уэллса, опубликованный в 1909 г., и переизданный в альманахе «Завтра» (1991, вып. 1). Полный русский перевод «Современной Утопии» был опубликован только в 2010 г. [17].

³² Харитонов Е. В. Указ. соч.

³³ Ироническая аллюзия на имя Роберта ван Гулика (1910–1967), известного нидерландского дипломата, сиолога и япониста, автора детективных романов, сюжеты которых основаны на реалиях средневекового Китая.

³⁴ Из рассматриваемой в данной статье беллетристики только роман А. Ходова «Игра на выживание-1» (цикл состоит из четырёх романов и дополняющей повести «Трансдукция») был опубликован издательствами «Эксмо» и «Яуза» в сентябре 2011 г. в серии «Военно-историческая фантастика» под издательским названием «“Шарашка” попаданцев. опередить Гитлера!» и анонсировался как внецикловое издание. О перспективах публикации цикла целиком нам ничего не известно. «Попаданец» — сленговое выражение, обозначающее типичного протагониста романов, первоначально публикуемых в серии «Мужской клуб» издательства «Крылов»: бывший десантник или спецназовец, в силу тех или иных обстоятельств заброшенный в про-

эти тексты будут принадлежать, с одной стороны, к категории «сетературы» (или самиздата? — в буквальном смысле), вторых, иметь касательство не только к утопии, но и к фантастике, а точнее — жанру «альтернативной истории».

«Альтернативная история» занимает известную нишу российского книжного рынка, количественно, кажется, значительно умножившись в 2000-е годы. О популярности жанра свидетельствует появление соответствующих сообществ и сленга³⁵. Сопоставление его с утопией вполне уместно по причинам даже сугубо литературоведческого плана. Как в утопическом романе главным объектом изображения является мир с его специфическими особенностями, так и в произведениях жанра «альтистории» центральное место занимает изображение мира, развитие которого в одну из точек исторического перелома пошло по совершенно другому пути. Интересно, что подобные сюжеты интересовали мыслящих людей ещё в античности: так, у Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г.) рассмотрен сценарий вторжения Александра Македонского не в Персию, а в Италию³⁶. Естественно, что победителями оказывались римляне. В современной фантастической литературе жанр существует как минимум с 1920-х годов, в русской литературе его первым образцом следует считать, по-видимому, роман М. Первухина (1870–1928) «Пугачёв — победитель», который впервые увидел свет в Берлине в 1924 г. Структурообразующая идея романа: случайная гибель Екатерины II и Павла Петровича в морской буре позволила Емельяну Пугачёву взойти на московский престол³⁷. Появление образчиков такого рода именно в постреволюционную эпоху совершенно не случайно. В этом плане любопытную концепцию предложил известный писатель и специалист-синолог, доктор исторических наук В. М. Рыбаков (р. 1954 г.), связавший эсхатологический поворот в общественном сознании с «мутацией» научной фантастики, объектом которой стала не трансформация миров, а собственно трансформированные миры. «По сути дела, беллетризованное описание желательных и нежелательных миров есть не что иное, как молитва о ниспослании чего-то или обережении от чего-то. Эмоции читателей здесь сходны с эмоциями прихожан во время коллективного богослужения. Серьёзная фантастика при всей привычно приписываемой ей научности или хотя бы рациональности является самым религиозным видом литературы после собственно религиозной литературы. Является шапкой-невидимкой, маскхалатом, в котором религия проникла в мир атеистов, нуждающихся, тем не менее, в оправдывающем этику суперавторитете и в объединительной вере и получающих их в виде вариантов будущего, которого Мы хотим и которого Мы не хотим. Фантастика — единственное прибежище, где так называемый атеист может почувствовать себя в соборе (но не в толпе) и помолиться (но не гневно заявить справедливые претензии); атеистов же среди нас, как ни крутите, немало»³⁸.

шлое — от каменного века до Великой Отечественной войны. Ныне эстафету перехватили другие издательства.

³⁵ В вихре времён: Литературный форум. URL <http://forum.amahrov.ru/>

³⁶ Тит Ливий. История Рима от основания города: Т. I. / Ред. пер. М. Л. Гаспаров, Г. С. Кнабе. М.: Наука, 1989. С. 423–426.

³⁷ Первухин М. Пугачёв — победитель: Роман. Екатеринбург: КРОК-Центр, 1994.

³⁸ Рыбаков В. М. Фантастика как религиозная литература // Вячеслав Рыбаков. Официальная страница: Публицистика. URL <http://rusf>

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич / Dmitry MARTYNOV

| Русское поле утопий: обзор начала XXI века |

Отсюда специфическая роль фантастики в русском обществе, особенно в интеллигентной среде 1960-х — 1970-х годов. Как мы сейчас убедимся, по крайней мере часть отечественного писательского сообщества осталась верна прежним идеалам.

В романах таллинца А. Ходова³⁹ и брянчанина О. Измерова присутствует значительный утопический пласт, сюжетно выраженный в описании созидания коммунистического общества в СССР на рубеже 1940-х — 1950-х гг. Этот процесс показан с точки зрения пришельца из нашей реальности начала XXI в. Здесь очевидна специфика жанра: чтобы в альтернативной реальности 1940-х руководители СССР могли начать построение коммунизма, Вторая Мировая война должна была пойти по иному сценарию. Действительно, в романе А. Ходова Германия вторгается в 1941 году на Ближний Восток, а боевые действия с СССР начинаются намного позже, зато с применением ядерного оружия. В мире О. Измерова СССР и нацистская Германия создали военный и экономический союз (германские технологии чрезвычайно способствовали быстрой индустриализации России), а войны между ними так и не произошло. Не произошло и глобализации: все ведущие сверхдержавы (колониальная система осталась незыблемой) экономически являются автаркиями.

Фантастические предпосылки позволяют более или менее логично обосновывать детали утопического общества. Тем не менее, как и в любом утопическом тексте, личные фобии и пристрастия авторов играют свою роль. Например, протагонист А. Ходова — инженер — чрезвычайно враждебно настроен к классическому гуманитарному образованию, а также к профессиональным занятиям искусством (включая кинематограф) и спортом, доказывая в личной беседе с И. Сталиным, что это противоречит классовому равенству. Раздражает его и художественная литература, отвлекающая народ от насущных нужд реального мира⁴⁰. Напротив, в «иронической пародии» О. Измерова существенную социальную роль играет джазовая субкультура, поощряемая государством (его главой в вымышленном 1958 г. является Л. П. Берия) и мягко контролируемая творческая активность — совсем не похожая на советскую «самодетельность». Эта последняя позволяет исподволь внедрять в сознание молодого поколения новую систему ценностей, в которой очевиден приоритет государственных интересов над личными, но для личности создаётся особое пространство, дающее простор и для самоутверждения⁴¹.

Заметное место в романах Измерова и Ходова занимает градостроительная концепция, напоминающая предложенную А. В. Чайновым (1888–1937) в его повести 1920 г. «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»⁴². У Чайнова и Ходова имеет место насильственная ликвидация мегаполисов (в мире Ходова это диктуется ядерной угрозой)

ru/rybakov/pages/publ4.html

³⁹ Ходов А. Игра на выживание-3: [Роман]. URL http://samlib.ru/h/hodow_a/aa3.shtml; Ходов А. Игра на выживание-4: [Роман]. URL http://samlib.ru/h/hodow_a/aa4.shtml.

⁴⁰ Там же. гл. 19 и 20.

⁴¹ Измеров О. В. Дети Империи: Ироническая пародия. URL http://samlib.ru/i/izmerow_o_w/deti_imperii.shtml. Гл. 9.

⁴² Чайнов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник, 1989. С. 172–175.

и создание взамен системы малых посёлков, сопряжённых с разветвлённой транспортной сетью. «...Выросшие в небольших поселениях люди имеют гораздо более здоровую психику, чем уроженцы многоэтажных крысятников мегаполисов. Кроме того, в небольших городках все друг друга знают, все на виду, люди чаще общаются и вынуждены считаться с мнением окружающих. В отличие опять же от больших городов, где царствует анонимность, а все общение с соседями обычно сводится к перебранкам из-за протечек воды через этажи или разбитых лампочек в подъездах. Соответственно, антиобщественные склонности отдельных индивидуумов в малых поселениях гораздо легче выявляются и купируются. И чем меньше будет в Советском Союзе мест, куда подобные личности могут сбежать, с целью затеряться в толпе, тем лучше»⁴³. О. Измеров, напротив, предлагает упорядоченное развитие мегаполисов по транспортным коридорам, что должно привести к слиянию Москвы с Ленинградом, Киевом, Рязанью и т. д.⁴⁴. Характерно, что во всех трёх произведениях наиболее оптимальным для России видом транспорта признаётся железнодорожный. Он также наилучшим образом подходит для функционирования в условиях плановой экономики, управляемой на основе концепции ОГАС академика В. М. Глушкова — системы автоматизированного управления посредством электронных машин. Официальным пропагандистом этой системы в романе Измерова является А. И. Солженицын (так и не попавший в ГУЛАГ), чьё произведение «В круге первом» как раз и посвящено аспектам взаимодействия человеческого разума с машинным, управляющим жизнью человечества⁴⁵; Солженицын занял в этом мире место А. Азимова. В романе А. Ходова описание аналогичной системы занимает отдельную главу⁴⁶.

Социальную доктрину А. Ходов описывает в главах 10 и 11 своего романа⁴⁷, приписав собственные идеи И. В. Сталину (трактат «На пути к коммунизму»). Коммунистическое общество оказывается выстроенным на конфуцианской этике (соответствующим образом модифицированной), причём образ жизни строителей коммунизма — членов ВКП(б), более всего напоминает порядки Ордена Самураев, описанного Г. Уэллсом⁴⁸. «Нормальный человек воспринимает мир цельно, в совокупности, как в пространстве, так и во времени. Вместе с прошедшим и грядущим. Образно говоря, звеном бесконечной цепи протянутой из прошлого в будущее. В такой модели долг у человека появляется автоматически. <...> Отдать этот долг настоящему адресату невозможно, эти люди давно умерли... Соответственно, долг такого рода следует отдавать детям, народу, стране. Отдавать будущим поколениям. Это здоровая философия, обеспечивающее само существование и развитие народов, государств и всей человеческой цивилизации»⁴⁹. Таким образом, большевистская партия, образуя сетевую структуру новой Коммуны, станет фильтром отбора лучшего человеческого материала, готового принять новую систему ценностей,

⁴³ Ходов А. Игра на выживание-4: [Роман]. Гл. 3.

⁴⁴ Измеров О. В. Указ. соч. Гл. 8.

⁴⁵ Там же. Гл. 10.

⁴⁶ Ходов А. Игра на выживание-4: [Роман]. Гл. 4.

⁴⁷ Ходов А. Игра на выживание-4: [Роман].

⁴⁸ Уэллс Г. Современная утопия / Пер. с англ. В. Зиновьева. М.: Книжный клуб «Книговек»; СПб.: Северо-Запад, 2010. С. 221–280.

⁴⁹ Ходов А. Игра на выживание-4: [Роман]. Гл. 11.

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич / Dmitry MARTYNOV

| Русское поле утопий: обзор начала XXI века |

не основанную на биологических инстинктах (дети членов партии воспитываются в интернатах) и стяжательстве (практикуется аскетизм)⁵⁰. Здесь мы сталкиваемся с тем, что конечный результат общественного развития — коммунизм, основан на образах И. А. Ефремова, на что делается намёк и в эпилоге романа⁵¹.

Утопический роман. Эксперименты совершенно иного рода демонстрируют нам А. Н. Лукьянов и А. А. Розов. Омский педагог А. Н. Лукьянов с 2008 года распространяет в сети «Чёрную Пешку»⁵², жанровую принадлежность которой определяет как «повесть» (хотя текстовый её вариант имеет объём 1 900 000 знаков)⁵³. Это мультимедийный продукт с огромным количеством иллюстраций, музыкальным сопровождением, возможностью читателю выстраивать индивидуальный алгоритм чтения и т. д. Содержательно он реализует так и не осуществлённый замысел А. и Б. Стругацких написать роман, действие которого разворачивается в Островной империи планеты Саракш (планета описана в известной повести «Обитаемый остров»). А. Н. Лукьянов, однако, дал собственную модель утопии (реалии, придуманные Стругацкими, используются в минимальной степени), а локализация утопии на другой планете, хотя и населённой существами, неотличимыми от людей, позволила снять проблему достоверности описываемого общества. Поэтому, несмотря на очевидные аллюзии к постсоветской России, А. Лукьянов сообщает, что человечество Саракша так и не создало монотеистической религии, а также никогда не знало расовых и классовых антагонизмов. В этом мы видим недостаток утопического жанра как такового, ибо автор тем самым серьёзно упрощает себе задачу.

Утопия А. Лукьянова нетипична для России. Её локус дважды «островного типа»: во-первых, идеальное общество построено на островах в океане, противостоящих единственному на планете Материку; во-вторых, обитатели планеты из-за свойств атмосферы считают себя живущими на внутренней поверхности шарообразного Мира — единственного в их Вселенной. Тем самым автор подчёркивает исключительность заслуг идеологов Островной Империи, создавших модель совершенного общества, в котором парадоксально уживаются насилие, наличие рабства и абсолютная свобода творчества и самовыражения. Далее выясняется, что общество Островной империи основано на принципе *suum cuique* (на немецком языке возникают другие ассоциации: *jedem das*

Seine), возведённом в абсолют. А. Лукьянов описывает философию Цаохи Дзи, которая является популярным изложением теории систем, положения которой распространяются и на природу человека: «Система стремится к недостижимой цели — к вечности во времени и бесконечности в пространстве. <...> Внутри любой системы, в том числе и внутри каждого общества, как бы оно ни выглядело и как бы оно ни было организовано, действуют три силы. Первая сила названа Цаохи Дзи «креативной». Она направлена на обновление элементов и структурных связей... Вторая сила получила название «аккумулятивной». Она отбирает из лавины хаотических мутаций то, что может служить укреплению системы и берегает отобранное. Третью силу Цаохи Дзи назвал «деструктивной». Она устраняет в системе все устаревшее, утраченное значение»⁵⁴. Государство Островной империи сумело наладить систему сепарации людей, натуре каждого из которых присуще одно из перечисленных выше свойств. Так образуются три Пояса империи, имеющие пространственное и инфраструктурное выражение:

1. *Жёлтый* (аккумуляторы, производящие материальные блага и их потребляющие, в том числе предприниматели);
2. *Чёрный* (креаторы, создающие интеллектуальный продукт, они же — политики, сотрудники спецслужб и т. д.);
3. *Белый* (деструкторы, посредством которых империя обороняется от внешнего мира и добывает недостающие материальные и иные блага: военнослужащие и т. п.).

Соотношение населения в Поясах примерно 70:10:20. Поскольку люди подвергаются постоянному отсеву, начиная с детского сада, они с неизбежностью оказываются каждый в своей психосоциальной нише, что снимает проблему социализации, профессиональной мотивации, контроля деятельности и т. д. Субъекты системы, которые по тем или иным причинам в неё не укладывались (например, социопаты), отторгались и ссылались на остров, где было искусственно создано доиндустриальное общество, а его насельникам запрещалось заводить потомство⁵⁵.

Первоисточником А. Н. Лукьянову, несомненно, послужило платоновское «Государство», пересказ которого почти без изменений перенесен в конструкцию романа (Платон назван Зуицахи Ца, кроме трактата «Держава» ему приписан и роман «Путешествие из Вездении в Нигдению» — очевидная аллюзия на Т. Мора⁵⁶). Многие читатели и критики обращали внимание на то, что утопия А. Лукьянова является фашистской, известные параллели с муссолиниевским фашизмом проводит и протагонист романа⁵⁷, правда, потом корректирует своё мнение.

Меганезийский цикл петербуржца А. А. Розова огромен: по состоянию на начало 2012 года в его состав входит 9 романов (некоторые объёмом в 5–6 томов), и даже простое перечисление проблем, затронутых автором, заняло бы статью объёмом с нашу. Хронологически цикл охватывает период от

⁵⁰ Там же. Гл. 16.

⁵¹ В 2011 г. А. Ходов разместил на сайте журнала «Самиздат» незаконченную повесть «Трансдукция», в которой попытался представить оборотную сторону коммунистического общества. Для этого вполне достаточно показать его глазами не убеждённого энтузиаста — аскета-коммунара, а обыкновенного человека — носителя системы ценностей среднего класса, принадлежащего к интеллектуальной элите старого общества.

⁵² Лукьянов А.Н. Чёрная Пешка (Утопия). URL http://samlib.ru/1/lukxjanow_a_n/blackpaw.n.shtml

⁵³ «Чёрная Пешка» — редкий в отечественной фантастике пример создания детально проработанного мира, с собственной географией, историей (начиная от антропогенеза), мифологией и т. д. Впрочем, здесь достаточно пародийных элементов: протагонист знакомит саракшианцев с технологией производства кирзы и языком программирования «Форт», а также переводит на местный язык «Винни-Пуха» и «Ромео и Джульетту».

⁵⁴ Лукьянов А. Н. Чёрная Пешка (Утопия). URL http://samlib.ru/1/lukxjanow_a_n/blackpaw.n.shtml. Ход. 26. (Текст «Чёрной Пешки» построен как шахматная партия. Собственно описание Утопии занимает ходы 21–40 (всего в тексте 41 глава-«ход»).)

⁵⁵ Там же. Ходы 21 и 22.

⁵⁶ Там же. Ход 23.

⁵⁷ Там же. Ход 24.

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич / Dmitry MARTYNOV

| Русское поле утопий: обзор начала XXI века |

первых десятилетий XXI в. до конца XXII в., когда, по мнению автора, начнётся галактическая экспансия человечества. Поэтому, касаясь творчества А. Розова, мы затронем только два произведения⁵⁸.

Утопия⁵⁹ А. Розова занимает большую часть островов Тихого океана, на которых в результате Алюминиевой революции в 2050-х годах возникла Конфедерация Меганезия. В последующих романах цикла по пути Меганезии пошли многие страны Австралии, Индокитая, Африки и Латинской Америки. Фантастическим допущением автора является то, что мир преодолел постиндустриальный барьер: созданы компактные источники ядерной энергии и низкоресурсные безотходные технологии. Собственно, именно это и позволяет странам третьего мира с успехом конкурировать с индустриальными сверхдержавами — «инди», управляемыми чиновниками-«оффи». Также автор не скрывает симпатий к традиционным обществам Африки и Океании, чей социокультурный потенциал раскрывается в эру постиндустриальных технологий (характерно, что «нанотехнологии» не упоминаются ни разу).

В некотором смысле А. Розов предложил модель анархической утопии, и в этом плане её российское происхождение не вызывает сомнения⁶⁰. Мораль проста: «в свое время нахлебались всяких там высших интересов нации, и нечего нашим детям наступать на эти грабли». Однако на самом деле цикл Розова является популярным изложением всех аспектов доктрины карианства, активным последователем которой он является. Карианство — мировоззренческое течение, основанное (по утверждениям его основателей) на синтезе неопозитивизма и постмодернизма с классическим античным рационализмом школы Эпикура. Название доктрине дано в честь Тита Лукреция Кара (99–55 гг. до н.э.), датой основания своего учения кариане считают 12 апреля 2004 г. Карианство отрицает любые нематериальные ценности и любую догматику, придерживаясь принципа относительности истины. Интеллектуальная деятельность (наука, культура, искусство, религия, идеология) оценивается по прикладным результатам в области материально-технического прогресса, роста уровня и качества жизни (спектра практических возможностей индивида). В социально-политической сфере карианство придерживается принципов гуманизма, понимаемого как безусловное право личности на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей (включая доступ к любым формам научно-технического прогресса), не ограниченное ничем, кроме симметричных прав других личностей. Этот принцип должен безоговорочно определять смысл и содержания форм социального регулирования (морали, права и деятельности любых общественных и госу-

дарственных институтов)⁶¹. Всё перечисленное присутствует в тексте мини-романа «Депортация»⁶². Описанная там меганезийская Хартия прямо запрещает правительство и парламент, а также политические партии, поскольку признаёт субъектом прав только человека. «Если какая-то группа людей желает заявить о своих коллективных правах — она создает корпорацию, представляющую лишь тех, кто в нее вступил, и лишь по вопросам, которые он ей делегировал⁶³. Этническая или религиозная принадлежность не есть принадлежность к корпорации; никто не может заявлять о правах этноса или религии и выступать от имени всех лиц, к ним принадлежащих»⁶⁴. Таким образом, в рамках Меганезии могут успешно сосуществовать несочетаемые общественные модели: от традиционного полинезийского вождества до абсолютного коммунизма, в котором обобществлены даже женщины и дети и вообще нет возможности уединиться, даже при половых отправлениях (именно представители этой общины, по Розову, оказались наилучше приспособлены для космических полётов и колонизации других планет).

Заслуживает внимания роман А. Розова «Неандертальский томагавк в астроархеологии»^{65 66}. Основа его сюжета — поиск патрульными Солярной Ассоциации XXII в. (живущей по законам всё той же меганезийской Хартии)⁶⁷ земных колоний, основанных на планетах других звёздных систем за 80 лет до того в результате сложной аферы отживших свой век мировых правительств. Одна из таких колоний на планете системы Тау Кита, названной Гесиона⁶⁸, сознательно начала построение точной копии общества, описанного в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды». Его описание пародийно: имитируется напыщенный стиль общения и длинные монологи персонажей И. Ефремова, в сниженном виде воссозданы социальные институты⁶⁹. В результате герои Розова приходят к жёсткой формуле: в идеальном мире Ефремова воспитание превратилось из средства в цель, и подавляет развитие общества⁷⁰. Протагонисты оказываются перед сложной дилеммой: общество Гесионы — читай: Ефремова, нежизнеспособно, но оно порождает индивидов необычайной красоты, как внешней, так и внутренней (отсюда прямое определение: «кукольный полис» и сравнение: «надо согреть Снегурочку так, чтобы она не

⁵⁸ Rozoff [Розов А. А.]. Депортация. Мини-роман — трансутопия. URL <http://www.proza.ru/2008/03/16/62>; Rozoff [Розов А. А.]. Неандертальский томагавк в астроархеологии: Роман. URL <http://www.proza.ru/2011/06/11/826>.

⁵⁹ А. Розов настаивает на термине «трансутопия», заявляя, что утопия есть фантастическая сказка, в то время как его собственные произведения основаны на фактах и тенденциях, уже существующих в реальном мире.

⁶⁰ Однако Россия в его литературном мире отсутствует как единое государство; эпизодически упоминающиеся «Сайберия» (Siberia) и «Московия» никакой роли в действии не играют.

⁶¹ Карианство: мы уверены в силе разума: [Сайт карианского сообщества]. URL <http://carians.org.ua/index.htm>

⁶² Rozoff [Розов А. А.]. Депортация. Мини-роман — трансутопия.

⁶³ Так у автора.

⁶⁴ Там же. Гл. 7.

⁶⁵ Термин «астроархеология» введён А. и Б. Стругацкими в 1960 г. в повести «Полдень. XXII век», и означает поиск следов материальной деятельности внеземных цивилизаций на планетах других звёздных систем.

⁶⁶ Rozoff [Розов А. А.]. Неандертальский томагавк в астроархеологии: Роман.

⁶⁷ Временная привязка не случайна, и по авторскому замыслу должна вызывать ассоциации с «парадным портретом» коммунизма, созданного А. и Б. Стругацкими в повести «Полдень. XXII век».

⁶⁸ Название происходит от имени одной из героинь романа И. А. Ефремова «Таис Афинская».

⁶⁹ Характерный пример: ефремовская Академия Горя и Радости — консультативный орган, функции которого ясны из названия, на Гесионе Розова занималась профилактикой аварий в коммунальных сетях электро- и водоснабжения, гл. 52).

⁷⁰ Там же. Гл. 28.

растаяла, но она сделана из снега, и возникает тупик»⁷¹. При всей очевидной симпатии к миру Ефремова, протагонист выносит окончательный приговор: «я считаю “Туманность Андромеды” антинаучной сказкой о псевдо-обществе нереалистичных гуманоидов»⁷². Коммунизм «Туманности Андромеды» содержит колоссальное противоречие: являясь в политэкономическом плане реликтом индустриальной эры, он представляет интерес с точки зрения системной эстетики. В этом случае коммунизм оказывается всего лишь одной из вспомогательных социальных моделей мира будущего. Результатом становится создание человеческих особей, являющихся эстетичными по множеству параметров, что и является главным достижением последователей И. Ефремова⁷³.

Утопический трактат. В 2006 г. в Уфе вышел в свет трактат Раиса Закиевича Абдуллина «Основной закон человечества. Новая утопия»⁷⁴. Содержание его достаточно точно передаётся заглавием и крайне эклектично. Трактат начинается констатацией того факта, что человек разумный есть вершина эволюции живой природы⁷⁵. Вводится и определение разумности — «это свойство жизни как высокоорганизованной материи, направленное на её сохранение и размножение, осуществляемое на основе сбора и переработки информации об окружающем мире и её использования для целей выживания и распространения»⁷⁶. Исходя из этого, основным свойством жизни признаётся её экспансия, поскольку жизнь является одной из форм развития Вселенной⁷⁷. Соответственно, смысл существования всего человечества Земли и каждого человека в отдельности — достижение счастья. Предпосылкой к нему станет занятие возможно большей ниши в процессе космической экспансии человечества⁷⁸. Ниже экспансия именуется также главной исторической задачей человечества и даже его природным предназначением⁷⁹. Значительная часть трактата посвящена этическому обоснованию экспансии человечества.

Новая этика одновременно является и новой религией. Идея Бога Абдуллина явно испытывала влияние теологии Тейяра де Шардена — Бог произойдёт от всех разумных существ в конце очередного этапа развития Вселенной, и станет единственным разумным существом на последующем этапе, но диалектически Он существовал всегда и все люди — его порождения⁸⁰. Этика экспансии сводится к любви Бога в ближнем, т. е. поощрению в каждом человеке всё, что способствует экспансии⁸¹. При этом этика экспансии тесно связана с институтом прогрессоров (термин заимствован из творчества А. и Б. Стругацких). У Стругацких прогрессоры — агенты коммунистической Земли, способствующие быстрейшему

развитию внеземных гуманоидных цивилизаций, с целью достигнуть земного уровня общественного развития. Прогрессор Абдуллина — человек, в душе которого Бог господствует безраздельно; заповеди воспитания прогрессоров занимают немалое место в трактате. Качества личности прогрессора расписаны весьма подробно⁸². Завершается трактат проектом Конституции Земли из 166 статей, которая должна подвести законодательную базу под концепцию экспансии и обеспечить её реализацию⁸³.

Заключение

В настоящей работе приведён обзор нескольких утопических текстов, созданных в современной России, как мы надеемся, достаточно представительный. Если обратиться к анализу собственно утопических текстов, мы увидим, что они созданы разными людьми, как по таланту, так и по жанровому направлению, по насыщенности художественного текста элементами публицистики, степени фантастичности и др. Подавляющее большинство утопий, созданных в современной России, в бинарной классификации Л. Мэмфорда относится к «утопиям бегства». Тем более это касается жанра «альтернативной истории». Иными словами, по сравнению с последней четвертью XX в. тенденции не изменились, и кратковременный период «газового империализма» не вернул утопистам оптимистического настроя. (В этом отличие утопии от мейнстрима литературы: достаточно сравнить творчество, например, Б. Н. Стругацкого и В. Пелевина тех же лет.)

Существуют и более «долгоиграющие» тенденции: как выявлено Б. Ф. Егоровым, для всех российских авторов-утопистов до 1917 г. характерно отсутствие всеохватного универсализма в смысле отображения в одном тексте комплекса разномасштабных объектов (личность — семья — группа людей — поселение — сословие — нация — человечество — космос)⁸⁴. Точно так же современные утописты сходятся в избирательности и антиуниверсализме, который, однако, не отрицает глобальности, свойственной утопическому жанру вообще.

В политико-идеологическом плане современные утописты в основном делятся на два лагеря. Первый представляют державники-патриоты, образцом для которых является СССР, с позиций утраченных достижений критикуется как глобальная цивилизация, так и современное российское государство. Характерным явлением для утопистов данного направления становится отсутствие попыток сформулировать собственный позитивный идеал, в качестве такового выступают картины коммунистической утопии, созданной в 1950-е — 1960-е гг. И. А. Ефремовым в романе «Туманность Андромеды» и А. и Б. Стругацкими в цикле повестей о Мире Полудня. Общим местом является также то, что создание коммунизма не мыслится утопистами вне прохождения этапа тоталитарного общества, которое насильственно изменит не только социальные отношения, но и природу человека. А. Н. Лукьянов, также основываясь на одном из миров Стругацких, создал, однако совершенно другую картину идеального мира, близкую фашист-

⁷¹ Там же. Гл. 50.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Гл. 54.

⁷⁴ Абдуллин Р. З. Основной закон человечества. Новая утопия. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2006.

⁷⁵ Там же. С. 3.

⁷⁶ Там же. С. 4.

⁷⁷ Там же. С. 7.

⁷⁸ Там же. С. 9.

⁷⁹ Там же. С. 71.

⁸⁰ Там же. С. 157.

⁸¹ Там же. С. 209.

⁸² Там же. С. 252–254.

⁸³ Там же. С. 266–316.

⁸⁴ Егоров Б. Ф. Указ. соч. С. 377.

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA*МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич / Dmitry MARTYNOV*

| Русское поле утопий: обзор начала XXI века |

ским утопиям первой половины XX в., и вызвавшую достаточное количество сочувствующих в современной России.

Второе направление уместно назвать глобально-космическим, в плане разрабатываемой тематики. Данные проблемы в современной российской утопии разрабатываются А. А. Розовым, являющимся адептом трансгуманистической идеологии карианства. В общем плане реализации свободы человека вплоть до его галактической экспансии, А. Розов неожиданно смыкается с религиозным мыслителем Р. З. Абдулиным, но во

всём остальном они совершенно различны: Р. Абдулин во имя космической эволюции человечества призывает создать новую религию, которая одновременно явится новой этикой преображённого человечества.

Представители либеральной интеллигенции преимущественно рассматривают утопию как пережиток тоталитаризма и серьёзную угрозу свободному интеллектуальному поиску. Как видно из обзора собственно утопических текстов, такая точка зрения не лишена оснований.

